

Воспоминанія ¹⁾.

М. В. Тихонравовъ и А. М. Бухаревъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о первой молодости, о семинарской и академической студенческой жизни, наиболѣе видное мѣсто занимають два лица, достойныя глубокаго уваженія, съ которыми промыслъ Божій поставилъ меня въ особенно близкія отношенія, — Михаилъ Васильевичъ Тихонравовъ и отецъ Ѳеодоръ, именованный до монашества и по снятіи монашества Александромъ Матвѣевичемъ Бухаревымъ.

Оба они были питомцы Московской духовной академіи и вышли изъ нея по окончаніи курса (XV) въ 1846 году. Отецъ Ѳеодоръ былъ оставленъ при академіи бакалавромъ сначала библейской исторіи и греческаго языка, потомъ Священнаго Писанія, а М. В. Тихонравовъ былъ назначенъ во Владимірскую семинарію преподавателемъ философіи въ среднемъ (какъ тогда называли) отдѣленіи. Еще бывши студентами, они близко сошлись другъ съ другомъ, и между ними возникла самая тѣсная дружба, основанная на истинно христіанскихъ религіозныхъ началахъ, которую, по вступленіи на службу въ разныхъ мѣстахъ, они продолжали поддерживать частою перепискою.

1847-й и 1848 годы были послѣдними годами моего обученія во Владимірской семинаріи, въ которую М. В. Тихонравовъ явился преподавателемъ: мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ и даже нѣкоторое время жить съ нимъ вмѣстѣ. Его отношенія ко мнѣ были отношенія старшаго брата къ младшему, или, вѣрнѣе, если принять во вниманіе его духовную опытность и мою юношескую незрѣлость, отношенія отца къ

сыну. И такъ какъ онъ былъ человѣкомъ искренно и глубоко религіознымъ, и при томъ обладалъ въ высокой степени даромъ совѣта и разсужденія, то влияніе его было весьма благотворно. Онъ велъ со мною частыя, откровенныя, дружескія бесѣды. Припоминаю, какъ въ одну изъ такихъ бесѣдъ онъ сказалъ мнѣ, указывая на свою постель: «Знай и помни другъ-Никола. (по моей тогдашней молодости, не соответствовавшей и моимъ годамъ, онъ, какъ потомъ и отецъ Ѳеодоръ, въ дружескихъ бесѣдахъ часто называли меня этимъ ласковымъ, уменьшительнымъ именемъ), — знай и помни, что это ложе — дѣвственное ложе!» И эта была несомнѣнная истина, — онъ жилъ и умеръ дѣвственникомъ. Вмѣстѣ мы ходили въ церковь, и большею частію въ древній Успенскій соборъ, къ которому онъ питалъ особенное благоговѣніе: здѣсь я былъ очевидцемъ его глубокой религіозности, вида, какъ въ торжественные моменты службы слезы лились обильнымъ ручьемъ по его лицу. Въ бесѣдахъ со мною онъ, разумѣется, нерѣдко говорилъ объ отцѣ Ѳеодорѣ, о своей дружбѣ съ нимъ, и читалъ мнѣ нѣкоторыя изъ его писемъ. Помню, что въ послѣднихъ письмахъ отецъ Ѳеодоръ просилъ Михаила Васильевича приобрести и прочесть со вниманіемъ книгу Гоголя: «Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», чѣмъ приводилъ его въ недоумѣніе, такъ какъ онъ не зналъ, что тогда отецъ Ѳеодоръ былъ уже занятъ составленіемъ сочиненія о произведеніяхъ Гоголя, именно по поводу его «Переписки».

Замѣчу кстати, что время, когда я учился въ семинаріи, было почти то самое, которое описано въ пресловутыхъ разсказахъ о бурсѣ Помяловскаго, Ростиславова, Беллюстина и другихъ, — и долженъ по совѣсти сказать, что тѣхъ

¹⁾ Статья доставлена въ редакцію Н. И. Сувотиннымъ незадолго до его кончины.

ужасовъ, безобразій, жестокостей и безчинствъ, какія изображаются у этихъ авторовъ, и подобія не видѣлъ я въ нашей семинаріи ни между учениками, ни въ обществѣ наставниковъ. Правда, такія идеальныя личности, какъ М. В. Тихонравовъ, составляли исключительное явленіе,—правда, что между наставниками встрѣчались и такіе, которые являлись на послѣбѣдненные уроки съ замѣтнымъ душкомъ изо рта, или возбуждали насмѣшку учениковъ своей ограниченностью, но это были также исключенія и весьма немногія; о большинствѣ же тогдашнихъ начальниковъ и наставниковъ, начиная съ ректора, архимандрита Евѣмія ¹⁾, недавно скончавшагося М. И. Соколова, П. Н. Солярскаго, I. Т. Сердцева, В. И. Миловидова, сохранились у меня, какъ полагаю, и у моихъ товарищей благодарныя воспоминанія. Случалось мнѣ бывать свидѣтелемъ и товарищескихъ «пированій» наставниковъ, устроившихся по разнымъ случаямъ: собирався интимный, единомышленный кружокъ, преимущественно воспитанниковъ Московской академіи; о картахъ не было и помину (думаю, что они не умѣли отличать туза отъ двойки); за стаканами чая, за скромной закуской, велись задушевные бесѣды, большею частію объ академіи, которая по истинѣ была для нихъ *alma mater*, не на словахъ, а на дѣлѣ; вспоминали объ особенно уважаемыхъ начальникахъ и наставникахъ,—архимандритахъ Евсеѣѣ и Евгеніѣ, о Ѳ. А. Голубинскомъ, П. С. Делицынѣ, А. В. Горскомъ: во исполненіе апостольскихъ словъ: *благодушествуетъ ми кто, да поетъ*, начинали обыкновенно пѣть, и все также вспоминая академію и лавру. М. В. Тихонравовъ особенно любилъ пѣть «по-академически» стихиру: «Славию Отца

и Сына силу и Святаго Духа пою власть»,—при этомъ я всегда видѣлъ бѣжавшія по одушевленному лицу его обильныя слезы,—или «по-лаверски»: «Преславная днесъ видѣша вси языцы». Пѣли и свѣтскія пѣсни, какъ, наприм., извѣстную пѣсню рыбаковъ изъ «Аскольдовой могилы»: «Гой ты, Днѣпръ ли мой широкий»...

Въ 1848 году я назначенъ былъ въ Московскую духовную академію и до отъѣзда туда вакаціи прожилъ на родинѣ. То было холерный годъ, и жилось тревожно. Изъ дому я писалъ Михаилу Васильевичу, и онъ отвѣтилъ мнѣ. Это было первое его письмо. Затѣмъ, въ академію, онъ писалъ мнѣ нерѣдко, такъ что за два года (до 1850 года, когда онъ скончался) накопилось у меня довольно большое количество его писемъ, тщательно сохраненныхъ мною. Я приведу изъ нихъ мѣста наиболѣе характерныя, въ которыхъ съ особенною ясностію выразились и его отношенія ко мнѣ, и его тѣсная духовная связь съ отцемъ Ѳеодоромъ, и его личныя высокія качества ¹⁾. Вотъ что писалъ онъ мнѣ на родину, 5-го іюля 1848 года:

«Во Владимірѣ холера ослабѣваетъ, но не совсѣмъ. Единый Онъ, Господь нашъ, знаетъ, сколько еще будетъ тяготѣть надъ нами гнѣвъ Его. Наше дѣло—въ смиреніи духа отдавать Ему все свое, и тѣло и душу, въ послушаніи безропотно преклонять главу; Его дѣло поразить, и еще пощадить насъ.

«Сегодня день преподобнаго Сергія, подъ особенное покровительство котораго Промыслъ обрекаетъ и тебя. Всею душею моею желаю имѣть въ тебѣ ближайшаго молитвенника предъ угодникомъ Божиимъ. Какъ пріятно одно

¹⁾ Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ обычая представлять на письмахъ дату, когда они писаны, такъ что привести ихъ въ строгій хронологическій порядокъ довольно трудно.

¹⁾ Скончался въ санѣ епископа Саратовскаго.

представленіе, что твоя молитва и о мнѣ въ иной разъ будетъ сливаться съ молитвою друга-брата моего отца Θεодора! Неисчислимы блага, которыя Господь даровалъ мнѣ по ходатайству великаго отца нашего—Сергія. Крѣпко вѣрую, что ты сподобишься еще большихъ благъ, какъ достойнѣйшій меня.

«Да, время идетъ, и очень скоро при всемъ нашемъ уныніи въ настоящую пору. Не увидимъ, какъ можетъ приблизиться и 10-е августа, когда ты долженъ будешь явиться во Владимірѣ, если только не ранѣ. Авось увидимся; а хотѣлось бы въ мирной, уединенной съ глаза на глазъ бесѣдѣ провести съ тобою хоть часть времени.

«Холеры много не бойся. Не оставайся въ праздности,—лучше идти въ церковь и помолиться, чѣмъ сидѣть да толковать о холерѣ. Вообще, дѣятельность укрѣпляетъ душу, тѣмъ болѣе благочестивыя упражненія, особенно молитва. Ты это знаешь и самъ. Умственными занятіями себя не изнуряй. Не бойся экзаменовъ.

«Отъ отца Θεодора не получаю никакихъ извѣстій. Огорченъ этимъ. Семенъ Григорычъ¹⁾ оканчиваетъ курсъ съ великою честію, — поставленъ подъ 4 №. Помни, что за добро и безкорыстное усердіе Господь всегда благословляетъ насъ успѣхомъ сверхъ нашего чаянія».

Во Владимірѣ мы видѣлись и побесѣдовали. Михаилъ Васильевичъ напутствовалъ меня въ академію благословеніями, благожеланіями, наставленіями. Рекомендательнаго письма къ отцу Θεодору не далъ, такъ какъ тотъ и безъ этого уже зналъ меня и ожидалъ. 14-го августа подъ торжественный звонъ колоколовъ, призывающихъ ко всенощной наканунѣ праздника Успенія Пре-

¹⁾ Вишняковъ, студентъ XVI курса изъ воспитанниковъ Владимірской же семинаріи. Скопчался будучи протоіереемъ въ Москвѣ.

святой Богородицы, вступили мы во врата лавры преподобнаго Сергія: незабвенное время! Явившись по начальству на другой день, я поспѣшилъ къ отцу Θεодору. Онъ поразилъ меня своей кротостью, простотой и радушіемъ. Вѣрно изобразилъ его профессоръ Знаменскій въ своей «Исторіи Казанской академіи:

«Это былъ маленькаго роста, очень худой, изможденный, почти безкровный монахъ съ крупно развитымъ черепомъ, постоянно улыбающимся милымъ лицомъ и какимъ-то мечтательнымъ взглядомъ большихъ ясныхъ глазъ. Онъ весь жилъ возвышенною, все обнимающею идеею Единороднаго Сына Божія, который есть жизнь всего міра, Агнца, принявшаго въ существо Своего Я все человѣческое и все освятившаго и искупившаго кровію Своего зачатія. Онъ говорилъ всегда съ величайшимъ одушевленіемъ, горячо, нервно, съ неровными интонаціями голоса, доходившаго то до шопота, то до вскрикиванія, и поминутно срывавшагося отъ слабости дыхательныхъ органовъ, при чемъ то останавливался отъ недостатка словъ для выраженія своей высокой и трогательной идеи, или какъ бы въ услажденіи ея созерцаніемъ, слегка хлопывая кистями рукъ одна о другую, то вдругъ начиналъ быстро-быстро выбрасывать и развивать одну мысль за другой въ порывистыхъ выраженіяхъ, хватая собесѣдника за руку выше локтя, или держась за пуговицу на его груди и нервно теребя ее, какъ будто въ гнѣвѣ или сильномъ испугѣ... Во время своихъ разговоровъ, наставленій, лекцій, онъ совершенно забывалъ и время и свои силы, и говорилъ до изнеможенія, стараясь влить въ душу собесѣдника всю свою мысль и всю свою любовь къ Единородному».

Вотъ такія-то именно рѣчи отца Θεодора, въ которыхъ раскрывалъ онъ

свои возвышенныя идеи, свое ученіе о Христвѣ—Искупителѣ грѣшнаго міра, часто приходилось мнѣ слышать, поспѣвая его. Въ изложеніи этихъ мыслей онъ затруднялся иногда недостаткомъ вполне ясныхъ и точныхъ выраженій, что столько мучило его, особенно когда онъ примѣчалъ, что вслѣдствіе этого недостатка я не вполне понималъ его, — тогда-то доставалось дѣйствительно и пуговицамъ моего сюрюка, и рукамъ и груди. Со мною онъ откровенно говорилъ и о своемъ личномъ состояніи, о своихъ огорченіяхъ и немощахъ, и однажды съ особеннымъ волненіемъ сказалъ, что не могъ бы и жить, если бы не имѣлъ возможности часто приобщаться Святыхъ Таинъ за службами, которыя обыкновенно совершалъ въ лаврскихъ церквахъ, гдѣ служатся раннія обѣдни. Сообщилъ онъ мнѣ и о своихъ, тогда никому неизвѣстныхъ, трудахъ по раскрытію сокровеннаго духовно-нравственнаго смысла сочиненій Гоголя, начиная съ его «Мертвыхъ душъ» и особенно въ его «Перепискѣ съ друзьями», — даже читалъ мнѣ нѣкоторыя отрывки этихъ работъ своихъ.

Послѣ первыхъ же свиданій моихъ съ отцомъ Θεодоромъ я написалъ о немъ Михаилу Васильевичу. Онъ отвѣчалъ:

«Добрый мой, — хочется назвать Колличка, какъ называлъ тебя, помнится, братъ твой Ваня ¹⁾. Здравствуй!

«Спасибо тебѣ за скорое извѣстіе о своемъ положеніи. Я занятъ былъ твоею судьбою; особенно не зналъ, чтѣ и подумать о долговременномъ молчаніи отца Θεодора. Всѣ обстоятельства и впечатлѣнія твои при встрѣчахъ съ нимъ были именно таковы, какихъ я ожидалъ. Знаю напередъ все, что бу-

детъ испытывать твоя еще невинная душа отъ дружескаго союза съ моимъ добрымъ отцомъ Θεодоромъ. Требуя отъ меня совѣтовъ; по своей опытности сумѣю дать ихъ: долго, долго изучалъ я его душу и, признаюсь, знаю его какъ себя, если не болѣе. Моя душа какъ будто живетъ въ его, и вотъ довольно сказать мнѣ одно обстоятельство, и я прочитаю мысли и расскажу заочно движенія души и тѣла, съ какими отецъ Θεодоръ встрѣтитъ это обстоятельство. Да, знаю я его хорошо. Смотри, голубчикъ, береги его. Когда сердитъ будетъ, молчи, — пройдетъ все; не навязывайся съ нѣжностью своею, когда онъ холоденъ, — говори о постороннихъ матеріяхъ, даже рѣже спрашивай, что съ нимъ, отъ чего не весель, что задумался. Въ иной разъ можно предложить и эти вопросы; но по большей части и я, имѣвшій полное право дѣлать ихъ, не достигалъ цѣли, или съ большимъ трудомъ достигалъ. Главное — люби его и молись за него. Спрашивай, когда онъ лучше можетъ принимать тебя. Нѣкоторыя мѣста изъ моихъ писемъ можешь ему прочитывать, какъ и я нѣкогда прочитывалъ тебѣ изъ его писемъ. Можетъ случиться, что къ тебѣ написанное не попадетъ въ письмѣ къ нему; значить, вы можете восполнять взаимно пропуски мои.

«Что твои экзамены? Сдавай ихъ хорошенько. По письму твоему вижу, что ты озабоченъ. Не бойся; будешь принять въ хорошихъ.

«Господь да будетъ всегдѣшнимъ помощникомъ въ трудахъ. Молись Богу болѣе всего о дарованіи тебѣ смиренія и любви; старайся подавлять въ себѣ всякое завистливое чувство гореванія, — люби истину и добро, въ комъ бы они ни проявлялись. Всѣхъ даровъ принять мы не можемъ, — каждому свой. Услаждайся даромъ Божиимъ въ другихъ и

¹⁾ Братъ мой Ив. Ив. Субботинъ былъ студентомъ XVI курса, — здѣсь и зналъ его М. В. Тихонравовъ; скончался на 2-мъ году академической жизни (1845 г.).

берегись зависти: она отыметъ у тебя и твои собственные дары. Будь аккуратенъ и въ жизни, соблюдай правильность въ издержкахъ, чтобы всегда было у тебя 10 копѣекъ за письмо заплатить. Отецъ Θεодоръ тебя этому научить не можетъ: онъ самъ много страдаетъ отъ своей неаккуратности по экономіи и, кажется мнѣ, не исправимъ будетъ во всю жизнь.

«Ну, добрый Николая, прости доколѣ. Все, что только тебѣ нужно имѣть, готовъ тебѣ доставить при первой возможности. Пиши ко мнѣ чаще. Радеhoneкъ я былъ, когда получилъ твое письмо.

«Тяжело не получать писемъ отъ отца Θεодора. Гнѣваюсь на него: попроси прощенья и снисхожденія къ моему нетерпѣнію.

«Вѣрую и исповѣдую, яко Иисусъ Христосъ есть Сынъ Бога живаго, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ.

«Милость Твоя Господи поженеть мя вся дни живота моего.

«Уповающій на Господа, яко гора Сионъ, неподвижится во вѣкъ.

«Азъ съ вами есмь во всѣ дни до скончанія вѣка.

«Прости, дружекъ; не забывай мірoлюбца М. Т.»

Между тѣмъ, кончились наши экзамены. Я былъ принятъ въ академію, въ числѣ первыхъ. Начались академическія занятія, и я сталъ привыкать къ своему новому положенію. Обо всемъ я писалъ Михаилу Васильевичу и отъ него получилъ отвѣтъ. Приведу изъ него нѣкоторые отрывки. Въ октябрѣ 1848 г. онъ писалъ:

«Письмо твое давненько получилъ, а отвѣчаю только теперь. Ты любишь меня, Николая, — и крѣпко, признательно, братски любишь: ей, благодарю Бога за твою любовь и въ свободные часы, въ тишинѣ уединенія, когда остаюсь самъ

съ собою, наслаждаюсь твоей любовью, какъ однимъ изъ даровъ небесной благодати ко мнѣ, недостойному ни чьей любви. Люблю думать о тебѣ, вспоминать всю прежнюю жизнь нашу, представлять твое лицо, походку, одежду и все. Часто воображаю себѣ, какъ въ вдвоемъ, отъ сердца къ сердцу, бесѣдуете сладцѣ съ милымъ моимъ голубчикомъ отцемъ Θεодоромъ. Хотя бы разъ невидимкою явился на вашу бесѣду. Блаженны вы оба, и я становлюсь спокойнѣе, когда представляю васъ вмѣстѣ: одинъ для другого пригодитесь. Желая только тебѣ, дружекъ, любить всегда отца Θεодора, — люби, люби и безъ конца любви.

«Радъ я, что ты мало по малу привыкаешь къ своей жизни. Говорятъ: время проходить незамѣтно; такъ и будетъ до окончанія курса, если только врагъ не посѣтетъ въ тебѣ мыслей недовольства на настоящее твое положеніе. Страхись роптать на свою судьбу: что бы ни случилось, терпи и благодари Бога.

«Дѣлъ теперь у меня поубавилось. Къ классамъ готовлюсь безъ труда, — прекрасно я дѣлалъ, когда въ первый разъ имѣлъ усердіе порядкомъ готовиться къ классамъ: теперь по углаженной дорожкѣ иду. Ученики мои не такъ исправны, какъ прежніе. Часто ссоры, выговариваю, показываю, но благодареніе Господу за то, что не выхожу изъ предѣловъ благоразумія и крѣпости. Изъ всѣхъ лучшій, о которомъ сердце мое радуется, — бурсачекъ малютка Пѣвницкій. Можетъ быть, ты помнишь его ¹⁾. До смерти жаль разставаться

¹⁾ Нынѣ извѣстный профессоръ Кіевской духовной академіи В. Θ. Пѣвницкій. Я несомнѣнно помнилъ его, и при мнѣ онъ былъ ученикомъ низшаго отдѣленія семинаріи, когда я былъ въ высшемъ. И его учитель словесности въ низшемъ отдѣленіи А. И. Розовъ тогда говаривалъ мнѣ о немъ: «это у меня гений».

съ нимъ, если только придется ¹⁾. Есть и другіе хорошенкіе. Твой возлюбленный мальга, Ал. Остроумовъ, у меня же. Я чуть не засмѣюсь въ классъ, когда представлю, какъ ты, бывало, подразнивалъ его: молодъ еще, а можетъ исправиться. Главный недостатокъ въ настоящихъ моихъ ученикахъ — бездушность. Охъ, какъ тяжело добраться до сердца, до искренности; а хочется первѣе всего положить это основаніе въ душѣ ихъ. Помолись угоднику, чтобы поминалъ стадо, еже собралъ подъ мое руководство. Право, иногда плачешь и скрываешь слезы, такъ иное не полюбится въ ученикахъ! Дай только, Господи, слезы: пусть ими вздѣлывается душа моя и ихъ...

«Изъ письма твоего я узналъ, что Соловьевъ принять низко ²⁾. Знаешь ли, что мнѣ пришло въ голову? — непременно заставить тебя помогать его восхожденію, т. е. возбуждать въ немъ охоту къ трудамъ, спрашивать объ его занятіяхъ по сочиненіямъ, совѣтовать, какъ ему лучше сочинить. Честь нашей семинаріи должна быть поддержана нами. Какъ хочешь, а объ этомъ подумай. Во время прогулокъ можно говорить съ нимъ и совѣтовать ему то и другое. Возьми на себя трудъ попытаться — войти съ нимъ въ дружескія размышленія. Вотъ мой совѣтъ, или лучше приказаніе. Всѣмъ, чѣмъ можешь ему помочь, помогай. Другъ *объ другъ*, а Богъ обо всѣхъ.

«Моему почтеннѣйшему другу отцу Θεодору передай почтеніе. Не лишай меня своихъ молитвъ».

На святки я уѣзжалъ на родину

¹⁾ Имѣется въ виду предполагавшійся переводъ его преподавателемъ въ богословскій классъ.

²⁾ Мой товарищъ по академіи В. И. Соловьевъ. Кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ; послѣ долгаго священствованія въ Ивановъ-Вознесенскѣ, принявъ монашество и скончался въ Москвѣ, состоя архимандритомъ Высокопетровскаго монастыря.

и оттуда писалъ Михаилу Васильичу, при чемъ откровенно признался ему въ одномъ излишествѣ, допущенномъ мною на пиру у богатаго купца, и просилъ у него прощенія. Михаилъ Васильевичъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, замѣчательнымъ по горячности и глубинѣ чувства.

«Получилъ твое письмо, въ коемъ ты просилъ у меня прощенія. Точно, мой милый Никола, мнѣ грустно было, тяжело до высшей сердечной скорби слышать о твоёмъ поступкѣ. Ну, да такъ тому и быть; боюсь только, чтобы тебѣ не забрался въ сердце сѣмена страсти. Берегись.

«Спасибо тебѣ за добрыя чувства ко мнѣ. Дай Богъ, чтобы мнѣ быть для тебя полезнымъ во всю жизнь. Радъ радехонекъ служить любящимъ меня всѣмъ, даже жизнь мою. Прошу только помогать мнѣ въ любви своею молитвою. Въ послѣднее время я какъ-то охладѣлъ къ Богу и нерѣдко предаюсь унынію и расслабленію духовному. Брате! Возмогай ты о Господѣ! Силы твои еще юныя, неутомленныя, неиспорченныя, какъ мои. Старѣю я повсемъ, ослабѣваю, черствѣю, — видно такимъ уже суждено быть мнѣ по законамъ нашей природы. А ты еще свѣжъ, юнъ, живъ. Береги дары юности твоей; употребляй ихъ во благо свое и въ радость нашу. Паче всего украшайся благонавіемъ, благородствомъ сердечнымъ, кротостью и смиреніемъ. Я готовъ плакать, когда почему нибудь приходитъ на мысль, что ты теряешь нравственно. Утѣшь, братъ, своимъ душевнымъ богатствомъ нищаго. Я радъ, когда вмѣсто себя вижу другихъ добрыми, — особенно возлюбленныхъ мною. Зато какъ тяжело бываетъ, когда видишь паденія ихъ. Охъ, тяжело! Многихъ слезъ стоятъ мнѣ паденія нѣкорыхъ, связанныхъ со мною узами родства или дружбы. Не увеличивай же

и ты моихъ горестей своими худыми поступками въ какомъ бы то ни было родѣ. Ты меня чтишь, какъ брата: хорошо,—пользуясь этимъ усвоеннымъ братствомъ, приказываю тебѣ не на словахъ только быть послушнымъ меньшимъ братомъ, но паче всего на дѣлѣ. Добрыя чувства не въ словахъ, а въ силѣ ихъ. Послушай же своего брата¹⁾, какъ бы изъ могилы тебѣ вѣщающаго: «Коля! Ты одинъ теперь оставленъ на радость и подкрѣпленіе стариковъ родителей; я давно уже не съ вами; рано взяла меня смерть; рано увялъ я, не успѣлъ разцвѣсть духовною жизнію и порадовать родителей и тебя, мой голубчикъ! Такъ судилъ Господь. Щади же ты себя, радость родителей,—не умирай такъ же рано. Они не вынесутъ твоей смерти. Гробъ ихъ, пожалуй, пойдешь за твоимъ. Весь почти свѣтъ въ глазахъ у нихъ—это ты. Смотри же, Коля, не убивай предвѣстительно своихъ силъ, своего здоровья душевнаго и тѣлеснаго. Знаешь, что разрушаетъ здоровье: берегись всего этого какъ яда, и особенно теперь, когда не обладаютъ тобой худыя привычки и страсти». Такъ отъ лица покойнаго взывалъ и я къ тебѣ. Слова всегда не въ состояніи выразить всей глубины благожеланія; по крайней мѣрѣ, ты видишь, что я очень, очень не равнодушенъ доколѣ къ тебѣ, не считаю тебя чужимъ себѣ, а роднымъ, привившимся какъ то къ самой груди. Такъ, Никола, чувствами не шути и моихъ словъ не презирай: тебѣ будетъ грѣхъ, а мнѣ жестокая печаль. Прошу тебя: во всю жизнь держись тѣхъ правилъ, какія ты слышалъ нѣкогда отъ меня, будь имъ вѣренъ,—чувствую, что они изливались изъ моего

сердца не безъ участія духовнаго просвѣщенія. Когда я самъ уклоняюсь отъ нихъ, всегда страдаю, болю сердечю. Много, можетъ быть, ты услышишь вопреки имъ,—совѣтую не принимать другихъ наставленій, не уклоняться *отъ мно* благовѣствованіе. Духъ человѣческій гордъ, суетенъ, непокоренъ и не религиозенъ. Знаю, что и въ академіи дышетъ онъ своимъ злымъ, отравляющимъ всякое доброе движеніе дыханіемъ адскимъ (современный духъ),—врагъ сѣетъ и среди васъ плевели неповиновенія власти, разврата, гордости, зависти, особенно холодности къ религіи и Церкви; западныя вольныя идеи,—сѣмя антихристово, къ несчастію и въ духовной академіи вскасаютъ. Бойся этой закваски,—она хуже фарисейской: какъ разъ разочаруешься во всемъ и сдѣлаешься мертвымъ мертвецомъ, свѣтлая будущность не будетъ радовать и окрылять твою душу къ небеснымъ надеждамъ. Да,—такъ много я разговорился объ этомъ всемъ, не знаю самъ, по какому-то безсознательному увлеченію. Прости, и всегда прощай нескладницу письма. Не умѣю писать письма по плану, а что на сердцѣ есть, то и мое. Прости доколѣ. Много бы и много хотѣлъ говорить, но довольно на сей разъ и сего. Не приведетъ ли Господь когда лично потолковать обо всемъ. Не гнѣвайся на мое долговременное молчаніе и меня прости за него. Господь своею благодатію да покрываетъ твои преткновенія! Прости».

Въ 1849 году отецъ Θεодоръ, никогда не отличавшійся здоровьемъ, захворалъ,—болѣзнь была и физическая и отчасти нравственная. Такъ какъ въ академіи не было тогда хорошаго, даже порядочнаго лекаря¹⁾, то онъ отпра-

¹⁾ Разумѣлъ здѣсь Михаилъ Васильевичъ покойнаго брата, а отчасти, можетъ быть и самого себя, какъ бы предчувствуя свою близкую кончину.

¹⁾ Академическимъ докторомъ былъ тогда почетный, весьма религиозный (кажется, масонъ) старецъ И. М. Высокій. Противъ всѣхъ болѣз-

вился для леченія въ Москву, гдѣ имѣлъ радушный пріютъ въ семинаріи. Въ Москвѣ находился тогда Гоголь, и отецъ Ѳеодоръ, какъ величайшій его почитатель, въ это время познакомился и сблизился съ нимъ, равно какъ съ графомъ А. П. Толстымъ, у котораго Гоголь жилъ, и который, узнавъ отца Ѳеодора, проникся великимъ къ нему уваженіемъ, признавалъ его (и не напрасно) лучшимъ знатокомъ и толкователемъ Священнаго Писанія. Ихъ всѣхъ сближало между прочимъ знакомство съ извѣстнымъ Ржевскимъ протоіереемъ о. Матвѣемъ Константиновскимъ, къ которому они питали полную преданность, какъ къ своему руководителю и наставнику ¹⁾. Бесѣдуя съ Гоголемъ, отецъ Ѳеодоръ, конечно, сказалъ ему о своихъ работахъ по раскрытію смысла и значенія его сочиненій и особенно его «Переписки съ друзьями», и Гоголь ли изъявилъ желаніе познакомиться съ этими его работами, или самъ онъ пожелалъ познакомиться съ ними Гоголя, только именно въ Москвѣ понадобились ему для этой цѣли оставшіяся въ его академической квартирѣ тетради сочиненія о произведеніяхъ Гоголя. По сему случаю онъ написалъ мнѣ изъ Москвы слѣдующее письмо:

«Дружокъ мой Николай Ивановичъ.

Вы объ мнѣ слышали, конечно, отъ Ивана Ивановича ¹⁾; могу сказать теперь еще то, что головная боль у меня миновалась. До тебя, Никола, вотъ какая нужда. Прошу покорно, по

ней онъ предписывалъ, какъ радикальное средство, английскую соль.

¹⁾ Отца Матвѣя звалъ отецъ Ѳеодоръ, по видимому, еще будучи Тверскимъ семинаристомъ, — его родина Карачевскій уѣздъ смѣженъ со Ржевскимъ. Мнѣ онъ не разъ говорилъ объ отцѣ Матвѣѣ съ особымъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ мудромъ и прозорливомъ.

²⁾ И. И. Побѣдинскій-Платоновъ, товарищъ о. Ѳеодора по академическому курсу, былъ тогда бакалавромъ Библейской исторіи въ академіи.

полученіи письма отправиться къ моему служителю, взять у него ключъ отъ моей комнаты, вынуть изъ извѣстнаго тебѣ короба извѣстныя тебѣ бумаги о Г... ¹⁾, и именно какъ тетради, т. е. переписанное, такъ и листы, т. е. черныя; эти бумаги оберните получше сахарной бумагой и пришлите мнѣ поскорѣе или по почтѣ или при какой-либо оказіи. Если въ скорости нѣтъ удобнаго къ пересылкѣ случая, то пришлите по почтѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы послали по первой же, по полученіи моего письма, почтѣ. Послѣ съ вами раздѣляюсь за ваши издержки. Въ коробѣ, можетъ быть, увидите нѣкоторыя бумаги Михаила Васильевича, не разсматривайте ихъ, если не получите отъ него порученія прислать и эти бумаги мнѣ. Прости, мой дружокъ Никола. Болѣе не имѣю времени.

Большой І. Ѳеодоръ.

«Вотъ и еще есть время поговорить съ тобой, Никола! Здоровье мое, кажется, поправляется немного; даже жаръ внутри — моя главная бѣда — по видимому уменьшается. Но духомъ я также унылъ и далекъ бодрости. Прошу тебя — не помедли прислать мнѣ бумаги, о которыхъ говорилъ я выше. Къ отсылкѣ приготовь ихъ въ моихъ комнатахъ, чтобы не знали ихъ другіе. Не поставь себя этого въ трудъ.

«Прости! Господь да благословляетъ тебя. Помолись обо мнѣ Преподобному. Кланяюсь о. Саввѣ» ²⁾.

Изъ письма этого видно, какъ заботился отецъ Ѳеодоръ, чтобы сохраннѣе и секретнѣе дошли до него бумаги о Гоголѣ. Въ нихъ содержались тѣ самыя «Три письма къ Н. В. Гоголю, писан-

¹⁾ Этотъ коробъ съ бумагами стоялъ, какъ хорошо помню, на гардеробѣ въ спальнѣ отца Ѳеодора. Какъ человѣкъ не отъ міра сего, онъ не заботился ни о порядкѣ, ни тѣмъ паче о чистотѣ и убранствѣ своей квартиры.

²⁾ Савва, впоследствии архіепископъ Тверской, былъ тогда студентомъ старшаго курса (XVII),

ныя въ 1848 году», которыя потомъ, въ 1860 году, отецъ Θεодоръ напечаталъ въ Петербургѣ особою книгою ¹⁾). Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ говоритъ, что Гоголю читалъ нѣкоторыя «отрывки» изъ писемъ именно «по черновымъ тетрадямъ». Любопытно, что самого интереснаго въ первомъ письмѣ, именно послѣдняго его отдѣленія, гдѣ говорится о самой личности Гоголя, о началѣ и развитіи его таланта (стр. 59—69), отецъ Θεодоръ, какъ самъ замѣчаетъ въ книгѣ, не читалъ ему: «ничего изъ этого отдѣленія не было читано Гоголемъ, хотя и были разговоры съ нимъ о его личныхъ обстоятельствахъ». Послѣ этого (въ 1850 году) Гоголь былъ въ лаврѣ и въ сопровожденіи отца Θεодора посѣтилъ академію. Въ студенческихъ комнатахъ мы приняли его съ восторгомъ: скромный, застѣнчивый, онъ мало говорилъ; но остался въ памяти сказанныя съ особеннымъ чувствомъ его слова: «мы работаемъ у одного Хозяина»,—т. е. и свѣтскій писатель и питомцы духовной школы должны одинаково трудиться въ честь и славу имени Христова. Драгоценный завѣтъ, совсѣмъ забытый въ настоящее время ²⁾).

О болѣзни отца Θεодора и объ отвѣдѣ для леченія въ Москву я, разумѣется, писалъ Михаилу Васильичу, и онъ отвѣчалъ мнѣ:

¹⁾ Изданы, повидимому, въ томъ самомъ видѣ, какъ имѣлись въ тетрадяхъ,—третье письмо издано даже неоконченнымъ, съ такимъ замѣчаніемъ: «Дѣло остановлено обстоятельствами. Свято-Троицкая Сергіева лавра. 1848 года» (стр. 242). Затѣмъ слѣдуетъ въ книгѣ «Позднѣйшая приписка», служащая именно окончаніемъ третьяго письма.

²⁾ Объ этомъ посѣщеніи академіи Гоголемъ отецъ Θεодоръ упоминаетъ въ предисловіи къ «Тремъ письмамъ»: «Ему (Гоголю) случилось быть въ одномъ изъ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Студенты приняли его съ восторгомъ. И когда при этомъ было высказано Гоголю, что особенно живое сочувствіе возбуждаетъ онъ къ себѣ тою благородною открытостью, съ которою онъ держится въ своемъ

«Крайне жаль мнѣ отца Θεодора; знаю, что и ты не равнодушно смотришь на его болѣзнь. Зачѣмъ ты не написалъ мнѣ, въ чемъ состоитъ его болѣзнь физическая,—моральную я знаю. Какъ-то Господь устроить пути его? Онъ несетъ крестъ, тяжелый крестъ. Какъ монахъ, онъ крѣпко подвизается противъ внутренняго зла, котораго мы съ тобою даже и не видимъ въ себѣ. Не думаю, чтобы всемогущая благодать оставила его въ добычу немощамъ. Хочешь вѣрвать, что искушеніе съ нимъ пройдетъ, и онъ возрадуется о Господѣ. Спаси его, Царь Небесный! Спасибо ему,—онъ прислалъ мнѣ письмо доброго сочувствія ко мнѣ: чуть не со слезами я читалъ и перечитывалъ его. Что-то онъ теперь чувствуетъ? Жду съ нетерпѣніемъ его письма. Не престанемъ молиться объ немъ.

«Ты какъ поживаешь безъ него, голубчикъ мой? Не скучай, занимайся дѣломъ. У васъ теперь начались, думаю, и повторенія ¹⁾). Если будетъ время свободное, пиши; если нѣтъ, не надсажай себя: мы и въ молчаніи понимаемъ другъ друга. Такъ вѣдь?»

«Твой всегдашній доброжелатель и братъ о Господѣ.

М. Т.

Когда же, по окончаніи экзаменовъ, я занялъ очень высокое мѣсто въ списокѣ студентовъ и извѣстилъ о томъ Михаила Васильевича, онъ писалъ мнѣ:

дѣлѣ Христа и его истины, то покойный замѣтилъ на это просто: «что-жь? мы всѣ работаемъ у одного Хозяина». Это обстоятельство о. Θεодоръ привелъ, отвѣчая на вопросъ, слышанный имъ по поводу его сношеній съ Гоголемъ: «зачѣмъ духовному человѣку вмѣшиваться въ дѣла и заботанности мысли и литературы свѣтской», почему и прибавилъ: «читать, вотъ и свѣтскій человѣкъ не хотѣлъ отдѣлать своего дѣла отъ благодатнаго владычества Христова; тѣмъ болѣе служителю Христовой благодати свойственно и должно служить распространенію благодатнаго освѣщенія на все, сколько возможно» (стр. 5—6).

¹⁾ Предъ существовавшими тогда Рождественскими экзаменами.

«Благодарю тебя за твои успѣхи въ академіи. Они меня радуютъ, какъ бы собственные. Желая видѣть въ тебѣ умнаго студента, но вмѣстѣ и добраго христіанина. Господи, дай мнѣ по моему желанію. Но постигалъ ли ты, Николая, и въ академіи, что вся тайна нашихъ успѣховъ заключается въ добромъ сердцѣ, въ молитвенномъ соединеніи съ источникомъ премудрости и смысла Подателемъ? А вѣдь такъ, братъ мой. Думаю, что и твой успѣхъ, такой превосходный успѣхъ, зависѣлъ очень много отъ Бога. Такъ ли? Или тебѣ не хочется сознать безсилія своихъ способностей и малости трудовъ твоихъ собственно? Если такъ, брось гордыя мысли и по прежнему живи, по прежнему вѣрйя себя, погружай въ лоно любви Божіей, по прежнему въ тишинѣ и молчаніи украшай внутренняго челоука, по прежнему будь преданъ религіи, Церкви, искренно почитай начальниковъ. Братъ! Умоляю тебя не принимать моихъ наставленій за скучную мораль: гдѣ дѣло идетъ по любви, тамъ не мѣсто точенію морали. Будь смиренъ и кротокъ сердцемъ, и всегда будешь успѣвать, всѣми будешь любимъ и почитаемъ. А мнѣ-то какая радость!

«Я по прежнему продолжаю ходить въ соборъ молиться. Очень жалью по временамъ, что возлѣ меня нѣтъ Николая, который бывало возгрѣвалъ и мою молитву».

Въ 1849 году я былъ боленъ, и болѣзнь отразилась неблагоприятно на состояніи моего духа. Узнавъ объ этомъ изъ моего письма, Михайлъ Васильевичъ не замедлилъ явиться снова моимъ добрымъ совѣтникомъ и утѣшителемъ. Онъ писалъ:

«Спасибо тебѣ, всегда спасибо за добрыя чувствованія. Не взыскивай, дружокъ мой, на моемъ долговременномъ молчаніи; помни только, что ты

никогда не забудь мною въ моихъ молитвахъ, какъ и Ваня твой, папа и другіе. Чѣмъ могу, тѣмъ и услуживаю.

«Крайне жаль мнѣ, что твоя болѣзнь заразила твое сердце расслабленіемъ, — ты унылъ былъ. Думаю, что это уже и прошло. Но во всякомъ случаѣ на такія обстоятельства душевныя взирай съ покорностью Промыслу и терпи. Болѣзни тѣлесныя сопровождали мою жизнь студенческую и доселѣ еще не отвязались отъ меня, — тебѣ это извѣстно; но съ ними связывались и болѣзни душевныя, — и это знаешь. Но вспомни, что я рѣдко бросаю дѣло, еще рѣже ропталъ на Бога: бойся и ты выпускать дѣло изъ рукъ и особенно ропотныхъ чувствованій. Въ твои годы хандрить — глупость. Сердиться на болѣзнь за то, что она мѣшаетъ дѣлать дѣло, весьма естественно, особенно студенту съ честолюбіемъ, каковъ и ты; но послушайся меня, выкинь изъ сердца свой задоръ, свою самость, и ты будешь много спокойнѣе. Что дѣлать, когда болѣзнь не даетъ намъ дѣйствовать, какъ бы хотѣлось? Тутъ есть особенное намѣреніе Промысла, и мы виноваты развѣ въ томъ только, что дозволяемъ себѣ развить болѣзнь. Не бойся же, дружокъ, своихъ немощей, сознавай ихъ такъ, чтобы изъ глубины твоего сознанія возникала для тебя укрѣпляющая, освѣжающая и ободряющая душу и тѣло благодать Божія. Можетъ быть, для обузданія твоей мечты о себѣ Господь и допустилъ нѣсколько поболѣть. Пусть другіе дѣлаютъ, и много дѣлаютъ, — всѣхъ не опередишь, со всѣми нельзя уравнять себя по своимъ силамъ и здоровью. Что сдѣлаешь, то и твое. Не рвись, не надсажайся, не ревнуй съ завистью. Прошу тебя, умоляю даже — избѣгать подобныхъ чувствъ. Твои дѣла, право пойдутъ прекрасно безъ такихъ нехристіанскихъ раздраженій. Есть у тебя наставникъ — отецъ

Ѳеодоръ; приди къ нему, спроси его совѣта и ободренія въ немощахъ душевныхъ, не стыдись раскаться ему въ слабостяхъ своихъ, — онъ тебя приметъ съ любовію. Онъ тебя любитъ и очень хвалитъ, — любить какъ родного и хвалитъ какъ добраго и умнаго юношу, — хочеть съ тобою ладить. Чего-жъ, дружокъ, тебѣ еще хотѣлось бы? Смотри, о тебѣ еще много промышляетъ Отецъ небесный. Пользуйся дарами Его милости, не унывай и дѣйствуй на радости родныхъ своихъ и нашу. Молись же, больше молись о мирѣ твоего сердца, — о томъ, чтобы заботы твои и рвенія не были растворены горечію завистливаго честолюбія. Да, Никола, смотри на себя въ этомъ отношеніи внимательнѣе: гибельно хандришь отъ неудовлетворенныхъ гордыхъ надеждъ. Если бы Господь принялъ тебя кончить курсъ хоть послѣднимъ магистромъ, вотъ и великое благодареніе Богу! Выше этой мечты (а если можно, и ее не имѣй) не поставляй ничего. Такъ вотъ что на первый разъ, вскорѣ по прочтеніи твоего письма удалось мнѣ высказать тебѣ. Прости за наставленія, если въ нихъ что-нибудь есть не впопадъ, или обиднаго, *люби не лицемерно.*

«Мои дѣла идутъ порядочно. Экзамены сдалъ; получилъ благодарность отъ отца ректора. И было за что: ученики отвѣчали хорошо. Владыка ¹⁾ на послужномъ спискѣ далъ аттестацію для меня пріятную, — спасибо ему: «по особенному благонравію и благоуспѣшной ревности очень надеженъ». Разговаривалъ съ отцомъ ректоромъ о моемъ монашествѣ, — не знаю, какъ онъ узналъ мои намѣренія, весьма еще не рѣшительныя. Сказалъ отцу ректору: благое дѣло сдѣлалъ бы, когда бы рѣшился идти въ монахи. Спасибо ему за добрыя слова; мудро только исполнить

¹⁾ Пресв. Іустинъ Владимірскій.

его желаніе мнѣ, — объ этомъ знаетъ моя душа».

Передъ святками 1849 года, на которые по обычаю я собирался отправиться домой къ моимъ родителямъ, Михаилъ Васильевичъ писалъ мнѣ въ отвѣтъ на мое письмо:

«Голубчикъ Никола! Очень, очень хотѣлъ бы взглянуть на тебя и братски обнять. Будемъ молиться Господу, да не оскудѣетъ вовсе любовь, источникъ святой дружбы. Ахъ, какъ тяжело бываетъ жить безъ любви! Если живы будемъ, постарайся устроить поѣздку черезъ Владиміръ. Много я виноватъ и противъ отца моего Ѳеодора. Попроси у него прощенія за то, что худыми письмами омрачаю его душу. Да благословить его Господь всяцѣмъ благословеніемъ! Какъ бы хотѣлось еще разъ взглянуть и на него! Но, вѣрно, я не достоинъ этого.

«Да будетъ надъ тобою миръ Божій, да освятитъ твое сердце Господь Своєю благодатію! Братъ, — не оскудѣвай въ любви, не развращайся мнѣніями вѣка сего; не отвѣчай безумнымъ по безумію ихъ; храни въ своемъ сердцѣ отъ всякаго призора человѣческаго, посянное въ тебѣ по милости Божіей. Крѣпись!»

Въ другой разъ онъ писалъ мнѣ:

«О своей жизни не знаю что тебѣ сказать. Узнаешь объ ней немного изъ письма къ отцу Ѳеодору. Живу постоянно связанный дѣломъ. Это хорошо; но неопредѣленность моего положенія тяготитъ меня. Я всегда при выборѣ жизни вступаю въ великую борьбу своихъ помысловъ. А пора бы ужъ рѣшить дѣло. Слава Богу, — вотъ ужъ три года прошло по окончаніи курса въ академіи! Хорошо бы выдти во священника; но не знаю, допустить ли меня Господь за мое, извѣстное мнѣ, великое окаянство. Ну, подождемъ еще, что Господь дастъ.»

«Какъ ты поживаешь, возлюбленный мой дружокъ! Въ настоящую пору я за тебя боюсь,—боюсь, не омрачилъ бы духъ вѣка сего твоей чистой доселѣ души, не поселилъ бы въ тебѣ антихристова сѣмени, не развратилъ бы твоей вѣры въ Господа и любви къ Нему. Ты становишься холоднѣе прежняго, недовольнѣе положеніемъ вещей. Это худо. Соберись съ своими силами и воспрянь отъ мрачнаго сна душевнаго. Наша любовь къ другимъ одинъ имѣетъ источникъ—вѣру и любовь къ Богу».

Тогда уже начавшееся и у насъ время всякихъ вольнодумствъ, теперь доведенныхъ до уродливѣйшихъ крайностей, очевидно, весьма заботило Михаила Васильевича, наполняло грустью его сердце, внушало, и справедливо, тяжкія опасенія за будущее: потому-то онъ и заботился такъ предохранить меня отъ этого, какъ называлъ онъ, «антихристова сѣмени», за что я обязанъ ему глубокою благодарностью. Что же почувствовало бы его сердце, какъ терзалось бы оно, если бы ему суждено было дожить до нашихъ печальныхъ дней, когда повсюду (даже и въ нашей духовной академической литературѣ) видится уже не прозрѣтаніе только или цвѣтеніе, а и горькое плодоношеніе этого погибельнаго сѣмени? Но Господь смилвался надъ нимъ, избавилъ его отъ дальнѣйшихъ тяжкихъ испытаній и скорбей.

Приведу извлеченія и изъ послѣднихъ его писемъ ко мнѣ, писанныхъ уже въ 1850 году и носящихъ на себѣ слѣды овладѣвшаго имъ тогда унынія, но по прежнему полныхъ любви, доброжелательства, вѣжности и искренности: «Твое пріятное письмо получилъ и читалъ съ удовольствіемъ. Душевно благодарю тебя за любовь и уваженіе, коихъ я, по сущей правдѣ сказать, ничѣмъ не заслужилъ у тебя. Ты на

нѣсколько времени оживилъ мою душу, возбудивъ въ ней очаровательныя воспоминанія минувшей нашей жизни Владимірской. Помнишь ты, помню и я то прекрасное время, когда мы жили въ одной квартирѣ. Не знаю, возвратится ли когда дорогое то время? Жизнь моя теперь получила нѣсколько иной характеръ. Я сталъ болѣе сосредоточенъ, рѣже сталъ гулять, больше провожу время въ своей кельѣ или въ канцеляріи ¹⁾. Душа еще нѣсколько сжалась. Да! Все человѣческое, радовавшее меня и утѣшавшее быстро проходитъ. Точно сонъ, промелькнуло все время минувшей Владимірской жизни. Боже! Ужели такъ незамѣтно протечетъ и вся жизнь наша? Сердце мое давно уже не наслаждается чистою любовію. Оно, бѣдное, сохнетъ, вянетъ, умираетъ для міра и его удовольствій. И самъ Промыслъ, отнятіемъ у меня людей достолюбезнѣйшихъ, хочетъ, кажется, научить меня любви къ Единому. Не знаю, какой исходъ будутъ имѣть всѣ мои неопредѣленные, грустные мысли относительно выборовъ жизни. А теперь жизнь моя не очень цвѣтиста; я не живу, а *прозябаю*, (какъ выражаются о бездушной жизни). Если смотрѣть со стороны на меня, моя жизнь, пожалуй, еще многимъ понравится можетъ. Встаю, когда Господь даетъ молитву, молюсь, вспоминая всѣхъ любимыхъ и знаемыхъ мною, читаю задачи, готовлюсь къ классу, распоряджаюсь дѣлами канцелярскими, даю работу письмоводителямъ, или иду въ классъ, а когда класса нѣтъ, въ канцелярію, обѣдаю, сплю, гуляю, когда есть хотя маленькая возможность, пью чай, и опять за дѣла и дѣла. Чего бы, кажется, и желать? Такъ все это довольно стройно, довольно благовидно и, пожалуй, полезно для молодого чело-

¹⁾ Онъ былъ тогда секретаремъ семинарскаго правленія.

вѣка; но вотъ бѣда,—любви мало, ея нѣтъ, некому возгрѣть, не съ кѣмъ сладостно повести бесѣду. Съ тѣхъ поръ, какъ судьбѣ угодно было отнять тебя, я, мой милый Николая, не наслаждаюсь чистыми радостями дружества. И такъ, я одинокъ. Чтѣ дѣлать! За то и ни къ чему не привязанъ; никого и не ждешь, ни къ кому и не спишишь. Дядю—вотъ мой другъ; имъ занята доколѣ душа моя. Конечно, Господь по Своему милосердію даетъ мнѣ еще спокойствіе и утѣшеніе совѣсти за исполненіе обязанностей; но все же лучше было бы имѣть не только спокойствіе, но и радости. Или я ошибаюсь? Можетъ быть.

«Итакъ не удивительно, что твое письмо, воскресившее для меня прежній миръ нашихъ радостей, вздоховъ, занятій, слезъ, молитвъ, произвело такое пріятное, сладостное впечатлѣніе въ душѣ моей. Благодарю. Я въ немъ вижу того же Николая, который такъ внимателенъ былъ къ моимъ недостаточнымъ чувствамъ любви. Продолжай, добренькій дружокъ, питать чувства добрыя. Господь не оставитъ тебя никогда.

«Радуюсь, душевно радуюсь за моего неоцѣнимаго ничѣмъ добраго брата отца Θεодора. Жаль, что онъ такъ рѣдко сталъ писать мнѣ. Правда, я не заслуживаю его любви, но все же хотѣлось бы хотя отъ его писемъ возгрѣваться болѣе и болѣе любовію къ нему. Дай Богъ ему всего добраго.

«Имѣю удовольствіе получать иногда письма изъ Кіева отъ Воскресенскаго¹⁾. Благодарю и его за простосердечную, смѣренную душу. Онъ тамъ доколѣ отлучается. Не оставь его Господи!

«По прежнему хожу въ соборъ молиться Господу Богу, только здѣсь еще

Господь даетъ мнѣ чувствовать, что я не вовсе оставленъ имъ.

«Прости доколѣ, мой возлюбленный Николая! Желая тебѣ неллицемѣрнаго смиренія предъ Богомъ и людьми. Не забывай, братъ, правила хоть разъ или два въ недѣлю освѣжать свою душу поклоненіемъ великому угоднику Божію, нашему помощнику и заступнику преподобному Сергію...

Отцу Θεодору буду писать особо. Твой М. Т.

«Поклонись отъ меня о. Саввѣ. Я радуюсь за него¹⁾.

Вотъ извлеченія изъ другого, еще болѣе грустнаго письма, писаннаго въ томъ же 1850 году:

«Ты готовъ даже роптать на меня за мое молчаніе: виноватъ, прошу прощенія. Конечно, я имѣлъ время писать къ тебѣ; но, признаюсь, не имѣлъ доселѣ охоты, или точнѣе сказать, внутренняго призванія говорить съ тобою. Почему же такъ?—спросишь ты. Да потому же, почему давно не писалъ и къ достоуважаемому мною, любимѣйшему изъ друзей о. Θεодору. Когда сердце связано грѣхами или заботами, оно чуждо бываетъ всякой искренности и любви. Меня давятъ тѣ и другія... Нѣтъ, возлюбленный, не должно роптать на меня, а развѣ жалѣть обо мнѣ. При личномъ свиданіи я бы могъ поговорить съ тобой кое о чемъ: а теперь языкъ связывается, и сердце не растворяется откровенностію. Развѣ сказать тебѣ вотъ что.

«Давнымъ давно извѣдана та истина, что кромѣ Господа нѣтъ другого источника жизни нашей, и кромѣ истинной глубокой вѣры въ Него—нѣтъ другого средства привиться къ Нему. Молю тебя—достойно ходити званія, въ неже призванъ ты. Своимъ грубымъ сердцемъ я обоняю нѣсколько въ тебѣ

¹⁾ Это былъ ученикъ М. В. Тихонравова, поступившій въ 1849 г. въ Кіевскую академію. Потомъ былъ въ ней бакалавромъ и скончался въ званіи профессора.

¹⁾ Онъ кончалъ тогда курсъ въ академіи, и я писалъ М. В. Тихонравову, что кончатъ успѣшно.

вою, неблагопріятно дѣйствующую на мой чувствія душевныя. Зло, которое проникаетъ въ твою душу, очень тонко,—едва ли оно не скрывается и отъ твоего наблюденія; но признаюсь, я нахожу въ тебѣ замѣтки внутренняго услажденія пустяками, изъ коихъ первый есть—ты самъ. Было въ тебѣ и прежде нѣкоторое надменіе, болѣе духовное, благовидное, нежели грубое, низкое: и теперь оно дѣйствуетъ,—смиренія христіанскаго мало видно. Смотри, братъ, навсегда не оттолкни меня отъ своего сердца. Эхъ, эхъ,—Николя, Николя! Подъ вліяніемъ настоящаго разлитія мыслей современныхъ не поглумись надъ моими «предзанятыми мнѣніями», «плодами воспитанія» и т. п., какъ обыкновенно оговариваютъ все истинное, прелюбезное... Не заноси своей мысли далеко. Мы съ тобой не болѣе, какъ земляные черви, пресмыкающіеся гады. Вотъ что, братъ мой, пришлось мнѣ сказать тебѣ. Прошу не смущаться высказаннымъ словомъ; если тяжко оно и не справедливо, оставь безъ вниманія и прости больному совѣстію и сердцемъ; если же есть въ немъ правда, прошу тебя—не отвергать съ отвращеніемъ или презрѣніемъ.

«Мое житье-бытье—искушеніе, и болѣе нечего сказать. Просилъ бы тебя хотя однажды вдохнуть отъ сердца въ келліи преподобнаго Сергія предъ образомъ Божіей Матери о неоставленіи совсѣмъ извѣстнаго тебѣ и нѣкогда пламенѣвшаго къ тебѣ любовію раба Михаила. Я обезсилѣлъ во всемъ добромъ и крѣпцу въ одномъ злѣ. Николя! Грѣшно, братъ, возноситься и надо мною. Что еще добывать и безъ того уже унылаго брата?...

«Болѣзненный, вялый и, пожалуй мертвый для Господней жизни М. Т.»

Лѣтомъ того же 1850 года мнѣ представлялся случай быть во Владимірѣ, и

я ѣхалъ туда съ отрадною надеждою увидѣться, наконецъ, и побесѣдовать съ моимъ другомъ и наставникомъ. Но какъ же я былъ удивленъ и пораженъ встрѣтившимъ меня тамъ извѣстіемъ, что незадолго до моего пріѣзда Михаилъ Васильевичъ скончался. Онъ умеръ внезапно, неожиданно для всѣхъ, успѣвъ однако исповѣдаться у своего товарища по академіи и службѣ священника И. А. Павлушкова¹⁾. Такъ не стало человѣка, родного по своимъ качествамъ, беззавѣтно преданнаго православнои Церкви и ея ученію, искренно и глубоко религіознаго, преисполненнаго любви и благожелательства ко всѣмъ добрымъ, умнаго, всецѣло преданнаго своему долгу. Его кончина была тяжкимъ лишеніемъ не только для насъ, его близкихъ, но, безъ сомнѣнія, и для Церкви и для отечества, которые лишились въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ членовъ. Но его самого Господь, призвавъ къ Себѣ, избавилъ отъ тѣхъ душевныхъ тревогъ и скорбей, о которыхъ даютъ понятіе послѣднія мрачныя письма его ко мнѣ. О постигшемъ насъ горѣ я немедленно извѣстилъ отца Теодора. Какъ принялъ онъ это извѣстіе, какое впечатлѣніе на него произвела внезапная кончина его лучшаго друга, это онъ достаточно высказалъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ ко мнѣ во Владимірѣ. Онъ просилъ никому не читать этого письма, весьма интереснаго и важнаго особенно для характеристики его самого и его отношеній къ покойному Михаилу Васильевичу и ко мнѣ;

¹⁾ Примѣчательно, что онъ же, спустя 17 лѣтъ (въ 1863 г.), былъ свидѣтелемъ рокового событія въ жизни ближайшаго друга Михаила Васильевича — отца Теодора, — происходившаго тогда во Владимірской консисторіи снятія съ него священнаго сана, которое было своего рода подобіемъ смерти. У И. А. Павлушкова, какъ товарища, о. Теодоръ имѣлъ тогда пріютъ во Владимірѣ и у него же перваго принялъ благословеніе въ званіи мірянина.

но теперь, по прошествіи 55 лѣтъ, когда уже давно нѣтъ на свѣтѣ и самого отца Феодора, не считаю себя связаннымъ его просьбою и рѣшаюсь напечатать вполнѣ его письмо. Вотъ что писалъ онъ:

«Братъ мой и дружочекъ Николинъка!

«Будемъ смотрѣть на смерть нашего общаго друга и руководителя въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. *Аще живемъ, аще ли умираемъ, Господни есмы.* Мы оба знаемъ, что нашъ братъ любилъ Господа; любилъ Его слово, Его Церковь, всѣхъ возлюбленныхъ Ему. Господь и взялъ его къ Себѣ. Много страдалъ въ жизни Михаилъ Васильевичъ. Не удивительно пренебреженіе его къ жизни въ послѣднія минуты. Онъ и прежде писалъ мнѣ иногда, что земное не стоитъ того, чтобы слишкомъ имъ заниматься. Что онъ предъ смертію не вспомнилъ насъ, это тайна его души. Впрочемъ, что до меня касается, я очень достойнъ забвенія его. Господь умилился надъ нимъ, — разрѣшилъ всѣ его недоумѣнія объ избраніи жизни, взялъ прямо на себя всѣ его заботы и печали о родныхъ, о насъ съ тобой, и всѣхъ и всемъ. Что не было близко и дорого любящему сердцу незабвеннаго для многихъ покойника? Признаюсь тебѣ, — при первой вѣсти о смерти моего брата, который и себя забывалъ въ заботахъ обо мнѣ, я подумалъ, что горести и страданія, наконецъ, растерзали его любящее сердце, что онъ изнылъ собственно отъ скорбей и заботъ самыхъ глубокихъ. Итакъ, что ему эта жизнь? Но я остался безъ руководителя, который зналъ мою душу, какъ свою, и все мое считалъ за свое, — которому во всѣхъ отношеніяхъ понятно и ощутительно было мое положеніе. Господь собственно на меня прогнѣвался, а Михаила помиловалъ. Достойнъ я и предостойнъ такого гнѣва! Признаюсь тебѣ, Никола, что я грѣш-

ный, если плачу и рыдаю, то о своемъ несчастіи, о своей душѣ, о гнѣвѣ Божиемъ на меня. Въ годовщину смерти своего родителя я узналъ о смерти своего друга, который любилъ меня, братъ Никола, любовію не только дружескою, но любовію материнскою. Это вѣрно, что нѣтъ на земли любви болѣе пламенной и пѣжной, нежели какова была любовь ко мнѣ Михаила Васильевича. Это, Никола, была любовь въ Господѣ, какъ въ письмахъ онъ и привѣтствовалъ меня: «возлюбленнѣйшій въ Господѣ». Что до него самого, до моего или нашего друга касается, любовь его къ намъ неизмѣнна. Знаешь ли, Николинъка, какъ онъ смотрѣлъ на тебя своею любовію? — какъ на прекрасный цвѣтокъ, который данъ ему отъ Господа на утѣшеніе и радость въ скорбяхъ. Дай, Господи, тебѣ сохранить и упочить за собой навсегда такую любовь. Это можно не иначе, какъ чистотою и любовію къ Господу. Но что до меня касается, боюсь и унываю, что любовь въ Господѣ, не найди, на чемъ во мнѣ успокоиться, отринетъ меня. Вотъ какъ я переносу свое лишеніе! И таково мое духовное состояніе *въ лучшія минуты.*

«Вотъ еще что: боюсь, не за мои ли грѣхи Господь послалъ ему такую неожиданную смерть. Слава Богу, что Онъ далъ нашему брату нѣсколько времени исповѣдать тайны души своей предъ Нимъ — Господомъ. Если покойный не сподобился причащенія Святыхъ Таинъ, то изъ любви же къ Господу. Господи! помилуй его и насъ! *Аще праведникъ едва спасется, то грѣшникъ гдѣ лютится?* Что будетъ со мной? Впрочемъ, Никола, отдадимъ себя Господу.

«Если письмо мое застанетъ тебя во Владимірѣ, то позаботься о немедленномъ отосланіи ко мнѣ адресованныхъ на мое имя бумагъ. Письма мои,

если не истреблены огнемъ, пришли же ко мнѣ. Еще всѣ бумаги о *мученицествѣ* тщательно собери и перешли ко мнѣ¹⁾. Желалось бы мнѣ память о Михаилѣ Васильевичѣ почитать отдѣлкою и пересмотромъ трудовъ его о святыхъ мученикахъ, столь возлюбленныхъ его душѣ.

«Письма моего никому не читай. Болѣе всего стражду духовною мертвотию и апатією. Кто теперь заплачетъ объ этомъ?»

«Прости, мой другъ! Господь съ тобою да будетъ!»

«Бѣдненькій! Кто теперь замѣнитъ тебѣ любовь Михаила Васильевича, любовь отеческую и братскую, нѣжную и разумную? Жалко мнѣ тебя. Но люби, братъ, Господа. Прости и пиши ко мнѣ. I. О.»

Не напрасно такъ сѣтовалъ отецъ Ѳеодоръ по поводу кончины М. В. Тихонравова. Съ тѣхъ поръ его духовное состояніе, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, при неимѣніи такого друга и совѣтника, какимъ былъ для него покойный, стало тяжелѣе и тяжелѣе и, наконецъ, привело его къ роковому шагу—снятію монашества и священства, превращенію изъ архимандрита Ѳеодора въ Александра Матвѣевича Бухарева. Меня наиболѣе удивляло это его отреченіе отъ священства, такъ противорѣчившее неоднократно заявленію его, что если онъ живъ, то лишь потому, что имѣетъ возможность часто служить литургію и приобщаться Святыхъ Тайнъ. Но это печальное событіе въ жизни отца Ѳеодора составляетъ тайну его души, оставшейся и послѣ того чистою и безукоризненно

¹⁾ Курсовое сочиненіе М. В. Тихонравова «О христіанскомъ мученицествѣ» было напечатано академією въ 1846 году. Онъ желалъ дополнить его новыми частями и собиралъ для нихъ матеріалъ, сносаясь съ А. В. Горскимъ; эти бумаги и разумѣлъ здѣсь о. Ѳеодоръ.

свѣтлою. Его тоже давно нѣтъ на свѣтѣ¹⁾, и вѣруется, что Господь принялъ его въ свои селенія такъ же милостиво, какъ и его друга, брата Михаила Васильевича. А я, къ которому они оба относились съ такою любовію, и самъ приближаясь къ могилѣ, съ великою благодарностію вспоминаю теперь, полвѣка спустя, объ этихъ дорогихъ друзьяхъ и руководителяхъ моей юности, бывшихъ лучшими представителями религиозныхъ людей того,—увы,—давно мивущаго времени, столь непохожаго на нынѣшнее.

Н. Суботинъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

«Труды Кіевской духовной академіи» за 1904 годъ.

Литературный органъ Кіевской духовной академіи «Труды Кіевской духовной академіи» можетъ быть названъ журналомъ съ особымъ строго определеннымъ направленіемъ. Эта особенность сказывается прежде всего въ изданіи въ русскомъ переводѣ творений исключительно западныхъ отцовъ Церкви.

Въ обозрѣваемомъ году печатались творенія одного изъ самыхъ выдающихся отцовъ западной Церкви, именно блаженного Августина, епископа Иппонскаго: «Зерцало изъ Священнаго Писанія» и «О согласіи Евангелистовъ».

Характерную и симпатичную особенность «Трудовъ» составляетъ обиліе въ нихъ проповѣдническаго матеріала, которымъ, напротивъ, такъ сравнительно скудны остальные академическіе журналы. Къ чести академіи служить и то, что въ составленіи проповѣдей прини-

¹⁾ Скончался 2-го апрѣля 1871 года.